

М. Л. Кусова

Екатеринбург, Россия

M. L. Kusova

Ekaterinburg, Russia

**«УМНЫЙ — ДУРАК»: СПЕЦИФИКА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТА
В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. Описываются средства репрезентации интеллектуальных свойств человека на лексико-фразеологическом уровне языка, выявляются значимые признаки умного и дурака, отраженные в семантике устойчивых выражений.

Ключевые слова: ментальное поле; сфера «Интеллект»; лексем, обозначающие интеллектуальные свойства личности; фразеологизм; национальная специфика единиц «умный», «дурак».

Сведения об авторе: Кусова Маргарита Львовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, 167.

e-mail: iripd@uspu.ru.

**SMART — FOOL: THE SPECIFICS
OF THE REPRESENTATION OF INTELLIGENCE
IN THE SPACE OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

Abstract. The article describes the means of representation of intellectual property rights on lexico-phraseological level of the language, and identifies significant signs of the smart and the fool, reflected in the semantics of stable expressions.

Key words: mental field; "Intellect", the tokens that represent the intellectual property of the personality; phraseologism; national specifics of the units of "clever", "fool".

About the author: Kusova Margarita Lvovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of its Teaching in Primary School.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Внимание человека к собственной познавательной деятельности находит отражение в лексических и фразеологических единицах, репрезентирующих данный процесс. По наблюдениям автора, даже в детской речи эти единицы появляются сравнительно рано. К трем годам ребенок обозначает интеллектуальные процессы, говоря: «Думаю» (ответ на взрослое «нельзя» ребенок формулирует следующим образом: «Думаю, можно»), «Понял» (ответ на запреты или рекомендации со стороны взрослого). В языковом сознании человека отражается процесс объективации деятельности самого сознания, мыслительных операций, имеющих в нем место. Поэтому исследование сферы «Интеллект» особенно значимо для определения связи когнитивных и речевых процессов, специфики представления человека как мыслящего существа в системе языка и в речевой деятельности.

Ранее, исследуя лексические и фразеологические единицы сферы «Интеллект» с семантическим компонентом «отрицание», мы установили, что для носителей русского языка значимо отсутствие знаний (*несведущий, неосведомленный, неведение, незнание*), наличие/отсутствие чего-либо в памяти (*неизгладимый, незабываемый, забытый*), невозможность понимания (*туман, таинственный, сверхъестественный*), неосознанность явлений, процессов (*сдуру, наобум, нечаянно*).

Значимость данного фрагмента действительности для носителя языка подтверждается и материалом «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» [Словарь-тезаурус синонимов 2007], в котором сфера «Интеллект» представлена значительным количеством групп с многочисленными синонимическими рядами, вклю-

чающими большое количество единиц. В качестве иллюстрации наполненности синонимических рядов можно привести ряд с доминантой «понимать/понять» (группа «Процесс понимания»), который включает 27 лексем. Безусловно, данные единицы различаются по стилистической маркированности, эмоциональной окрашенности (разг.-сниж. *рюхатъ*, жарг. *догнать/догонять*), но количество лексем в ряду является убедительным аргументом в пользу значимости такого явления, как интеллект, в языковой картине мира. Человек в языке является субъектом познания, в языке находят отражение его собственные представления об интеллектуальной деятельности, поэтому лексика со значением «интеллект» привлекает внимание лингвистов. Ю. Н. Караулов писал: «Слово имеет невероятно сложное строение; оно ... содержит начатки знаний и формирует образное понятие о мире» [Караулов 1987: 29].

В лингвистике традиция представления ментальности, ментального поля связана с работами В. Г. Гака [Гак 1993], И. М. Кобызевой [Кобозева 1993], С. Р. Омельченко [Омельченко 2006], Е. В. Падучевой [Падучева 1993] и др. И. М. Кобызева описывает следующие категории ментальных имен: номинализация ментальных предикатов, содержания ментальных состояний, результатов ментальных состояний и т. д. [Кобыщева 1993], Е. В. Падучева — аспектуальные свойства ментальных глаголов [Падучева 1993]. В. Г. Гак представляет ментальное поле, выделяя центр, единицы, связанные с номинацией человека и его интеллектуальных качеств, и ряд секторов, связанных с номинацией способности к мыслительной деятельности и уровня этой способности [Гак

1993]. С. Р. Омельченко описывает функционально-семантические свойства ментальных глаголов, употребляющихся в речи казаков Нижнего Поволжья, также выделяя ядерные, центральные и периферийные части в функционально-семантическом поле ментальной деятельности [Омельченко 2006]. Анализ результатов исследований вышеуказанных авторов и материалов «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» позволяет заключить, что лексические репрезентации сферы «Интеллект» в языковой картине мира организованы как полевая структура, ядро которой — человек, существо, обладающее интеллектом, центр — интеллектуальная деятельность человека, периферия — результаты этой деятельности.

Представление сферы «Интеллект» как полевой структуры наблюдается и в «Словаре-тезаурусе синонимов русской речи», что определяется связью поля и картины мира, отмеченной Ю. Н. Карауловым: «Структура идеографического словаря фактически представляет собой совокупность семантических полей языка, составляет, особенно в своей инвариантной части, один из компонентов „картины мира“, а именно — статический ее компонент... Основными компонентами, составляющими „языковую“ модель мира, являются семантические поля» [Караулов 1976: 259, 271]. Согласно данным «Словаря-тезауруса синонимов русской речи», сфера «Интеллект» в русском языке прежде всего представлена словами, обозначающими интеллектуальные свойства личности и интеллектуальную деятельность человека: процесс мышления, познания, понимания, определения, воображения, — а также ее результаты.

Остановимся на характеристике ядра данного поля, поскольку именно оно связано с человеком. Лексические единицы сферы «Интеллект», определяющие интеллектуальные свойства личности, характеризуют личность по наличию способности к интеллектуальной деятельности (*пытливый, любознательный, любопытный*), по уровню интеллектуальных способностей (*узколобый, слабоголовый, непонятливый, глупый, тупой; умный, прозорливый, проницательный, смывленный, толковый*). Определение интеллектуальных свойств личности связано с оценкой; единицы, называющие эти свойства, могут быть распределены по группам с использованием традиционной нормативной шкалы «хорошо — безразлично — плохо» и абсолютной оценки «хороший — плохой».

В рассматриваемой сфере есть единицы, соотносимые с каждой позицией нормативной шкалы. Если продолжить описание указанной сферы в логике полевой структуры, то можно сказать, что ядро поля представлено тремя секторами в соответствии с нормативной шкалой: свойства умного человека; свойства глупого человека; человек, мыслительные способности которого связаны с нейтральной точкой от-

счета на нормативной шкале (точка «безразлично») и не соотносятся с характеристикой «умный — дурак» (заметим, что такая организация ядра ментального поля нашла отражение в русских народных сказках). Точка отсчета, «безразлично», связана с ограниченным количеством единиц (*реалист, теоретик, эксперт*), которые в конкретной речевой ситуации часто соотносятся с абсолютной оценкой «хороший — плохой», но вне речевой ситуации не рассматриваются с точки зрения противопоставления умного и дурака. Например, в рамках определенного высказывания лексема «теоретик» может приобретать положительную коннотацию: «В истории он известен как замечательный зоолог, выдающийся теоретик биологии, создатель первой русской школы зоологов-эволюционистов» (Д. Гранин) — и отрицательную: «И что испытал в жизни этот книжный теоретик?» (А. Солженицын; приведенные здесь и далее иллюстрации заимствованы из Национального корпуса русского языка), — что усиливается сочетаемостью лексем.

Однако следует отметить, что абсолютная оценка в лексемах, обозначающих интеллектуальные свойства человека, проявляется более последовательно, что в семантике данных единиц присутствует положительная или отрицательная коннотация; ср.: *глупость, тупость, ограниченность, дурак — ум, разум, проницательность, умный*. Высокий уровень развития интеллектуальных способностей противопоставляется умственной ограниченности (*дар, гений, дарование, талант — дурак, глупец, даун, балбес, дебил* и т. д.), наличие у человека способности объективно оценивать окружающее — ее отсутствию (*прозорливость, проницательность, смывленность — тупость, тупоумие, скудоумие, дубинноголовость* и т. д.), обладание широким кругом сведений — умственной ограниченности (*знаток, ведун, зубр — недомыслие, недоумие, малоумие* и т. д.). Наличие абсолютной оценки в словах, обозначающих интеллектуальные свойства личности, обусловлено тем, что «оценочные значения всегда релятивизированы к нормам бытия и создают ценностную картину мира, всегда в чем-то специфическую для данного языкового коллектива» [Телия 1996: 109].

Интеллект — это ценность, наличие интеллекта оценивается позитивно, отсутствие — негативно. Таким образом, последовательная связь лексем, обозначающих интеллектуальные свойства личности, с абсолютной оценкой свидетельствует о значимости противопоставления в ядре описываемого поля. В сознании носителей русского языка интеллектуальные свойства личности отражены прежде всего в оппозиции «умный — дурак». И хотя лексемы, находящиеся в ядре данного поля, называют не человека, а его интеллектуальные свойства, базовой для ядра является оппозиция, связанная с названием и человека, и его интеллект-

туальных свойств, что обусловлено категориальным значением входящих в нее единиц.

Положительная коннотация единиц «ум», «разум», обозначающих свойства умного человека, по наблюдениям Н. В. Патроевой, расширяется в художественной речи за счет генитивных метафор с лексемой «разум»: *лоза разума, крылья разума, солнце разума, свеча разума, луч разума*, хотя в метафорах разума иногда встречается и отрицательная коннотация: *зной разума* [Патроева 2008]. Абсолютная оценка «хорошо» по отношению к умному человеку поддерживается не только метафорами, но и идиомами. Благодаря идиомам расширяется набор аргументов в пользу такой оценки. Устойчивые выражения уточняют представления об умном человеке и дураке, акцентируя типичные свойства последних. Умный человек представлен в идиомах как человек, обладающий положительными качествами, у которого *голова (котелок) варит, голова светлая*, который *схватывает на ходу*. Он отличается прозорливостью, сообразительностью: *его на мякине не проведешь, на кривой не объедешь*, он *ловит (схватывает) на лету*. Заметим, что, по материалам словаря Р. И. Яранцева «Русская фразеология. Словарь-справочник» [Яранцев 1997], фразеологизмы, как и лексические единицы, в большинстве своем называют не человека с учетом его интеллектуальных способностей, а интеллектуальные свойства личности: *котелок варит, семи пядей во лбу, глуп как пробка; у умного светлая голова, здоровый ум*, умный представляет собой *ходячую энциклопедию*.

Отрицательная коннотация единиц, связанных с лексемой «дурак» (глупость, тупость) расширяется благодаря устойчивым выражениям: *без ума голова котел; без ума голова — ногам пагуба; лишиться ума; потерять рассудок; как свинья в апельсинах; дуб дубом; пень пнем*. Дурак, в отличие от умного, обладает *дырявой, садовой головой*, у него *мозги набекрень* или он таковых вообще не имеет; у дурака *голова мякинная, пустая голова; мозг устроен особым образом: одна извилина в мозгу и та прямая*. Фразеологизмов, обозначающих дурака, гораздо больше, чем фразеологизмов, обозначающих умного человека. Следовательно, представление человека с учетом его интеллектуальных способностей на фразеологическом уровне языка зеркально отражает представление умного и дурака на лексическом уровне: дурак глупый, тупой, несообразительный, непонятливый, ограниченный; умный здравый, сообразительный, понятливый.

В проспекте словаря «Концептосфера русского языка...» [Концептосфера русского языка 2010] приведено 66 фразеологических единиц, обозначающих дурака, и 20 лексических единиц, обозначающих умного человека, что позволяет конкретизировать тезис Н. Д. Арутюновой о слабом выходе нормы в лексику [Арутюнова 1988]. Очевидно, «ненорма» более после-

довательно представлена и на фразеологическом уровне языка. Следует заметить, что в характеристике дурака отражаются явления современности или недавнего прошлого, в том числе связанные с определенным регионом: *дважды дятел Советского Союза; Маша с Уралмаша*. Состав фразеологизмов со значением «дурак» активно пополняется: *лохнесское чудовище; Джузеппе Даун; четыре валета, и все козырные; не голова, а дом терпимости*, — что трудно сказать о фразеологизмах со значением «умный человек». Безусловно, и в этой группе появляются новые единицы, в том числе обусловленные временем: *не голова — а дом Советов; масло в чайнике; есть копф на голове*, — но их значительно меньше.

Фразеологизмы могут указывать на причину появления дурака: *из-за угла мешком прибит, растерять разум; сойти с ума*, — а могут представлять данное качество как изначально присущее человеку: *по жизни дурак, олух царя небесного*. Определив особенности представления умного и дурака на уровне фразеологии, отметим еще одну интересную закономерность. Согласно нашим данным [Кусова 2007], среди фразеологизмов с семантическим компонентом «отрицание» доминируют фразеологизмы, обозначающие дурака и его интеллектуальные способности (в словаре В. Н. Яранцева содержится больше фразеологизмов, обозначающих умного человека — *с головой, видеть насквозь, ловить на лету* и т. д., — чем глупого). Устанавливая соотношение лексических и фразеологических номинаций умного и дурака, видим, что у фразеологизмов с позитивной оценкой («умный») вероятность наличия лексических синонимов ниже, чем у фразеологизмов с отрицательной оценкой («дурак»), что секторы ядра поля «умный — дурак» представлены относительно небольшим количеством единиц.

Представление умного и дурака в языковой картине мира дополняют пословицы и поговорки, а также различные выражения, приобретающие статус афоризмов: *Красота — до венца, ум — до конца; Пьяный проспится, дурак никогда; С умом больше сделаешь, чем одной силой*. В пословицах, поговорках, афоризмах отмечаются те же признаки, что и во фразеологических единицах, нередко видна параллель пословиц, поговорок и фразеологизмов: *Красен как майский день, а умом пень* (ср. *пень пнем*); *Вырос, как осина, а ума в пол-осмина* (ср. *дубина стоеросовая*).

Присутствие умного человека облегчает жизнь: *На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко, а быть рядом с дураком опасно; С кем поведешься — от того и наберешься* (ср. *С умным разговариваться, что меду напиться*); *Бойся убогих людей!* Заметим, что в пословицах и поговорках, в которых фигурирует дурак, речь идет только о данном качестве; очевидно, никаких достижений у дурака быть не может, его способность к деятельности даже не

рассматривается. Умный человек упоминается в контексте созидания, значимых результатов: *Где не возьмет топор, там возьмет смекалка; Смекалка и воду останавливает; С умом больше сделаешь, чем одной силой.*

В пословицах, поговорках, афоризмах умный и дурак нередко противопоставляются. Противопоставление «умный — дурак» отражается в лексическом наполнении идиом, в их структуре, обычно представляющей антитезу: *Знайка дорожкой бежит, незнайка на печке лежит; Красота приглядится, а ум пригодится; По одежке встречают, по уму провожают.* В идиомах умный и дурак упоминаются одновременно с указанием на противоположные события, явления, определяемые этими интеллектуальными качествами: *Дуракам везет в сказках, умным — в жизни; Только дурак откажет, если умный просит; Умные чешут лоб, а дураки затылок; Свой дурак лучше, чем чужой да умный; Лучше с умным потерять, чем с дураком найти* [Зырянов 2007].

Обращение к пословицам, поговоркам и афоризмам, прежде всего к пословице «Дуракам везет в сказках, умным — в жизни» позволило установить тот факт, что данные единицы не поддерживают образ умного дурака, присутствующий в русских народных сказках. Напротив, пословицы, поговорки, афоризмы отмечают социальную опасность такого явления, как глупость, причем более последовательно опасность дурака отмечается сравнительно недавно появившимися афоризмами: *Благодаря телевидению дурак дурака видит издалека; Пустые кастрюли громче гремят; Дураки умного никогда не поймут; У мудрости есть границы, тупость же безгранична; Глупость часто рождает подлость* [Там же].

Следовательно, умный отличается высоким уровнем развития интеллектуальных способностей, дарованием, даром, обладает большим кругом сведений, действует с учетом обстоятельств, прежде чем принять решение, взвешивает все факторы, владеет большим количеством информации, что особенно значимо в современном обществе; он *сметливый, головастый, благоразумный*. Умный человек не только хорошо и быстро соображает, но и умеет высказать свои соображения: *остроумец, остроумник, остряк*. О дураке, согласно лексико-фразеологическим материалам, можно сказать: *несообразительный, безмозглый, безголовый*. Ограниченность дурака может быть обусловлена отсутствием природных задатков или отсутствием образования: *идиот, пустоголовый*. Дурак производит отталкивающее впечатление: *тупорылый, лопухий*, — тогда как внешние признаки умного человека не номинируются.

Умный воспринимается как человек со *светлым умом*, а дурак — как *темный человек, непробиваемая стена, медный лоб*, хотя иногда отсутствие интеллектуальных способностей связано с болезнью и воспринимается как про-

явление Божьего промысла: *олух царя небесного, Богом убитый*.

Интеллектуальные свойства человека определяют характер интеллектуальных действий в деятельности, но однозначного соответствия между этими явлениями нет. Связь лексем со значением «интеллектуальная деятельность» с ядром ментального поля в большей мере опосредуется нормативной шкалой и абсолютной оценкой, чем связью интеллектуальных действий с параметрами «умный — дурак». Безусловно, одни процессы можно соотнести со свойством «умный»: *взвешивать, обдумывать, знать*, другие — со свойством «дурак»: разг. *сумасбродничать*, разг.-сниж. *лопухнутья*, — причем эти свойства воспринимаются не как постоянно присущие человеку, а как обнаруживающиеся при осуществлении определенного действия. Например: *А в нашем деле... не грех ошибиться великому политику* (В. Гроссман); *Но сомневался, так как ошибиться было бы глупо* (А. Грин); *Невозможно было ошибиться, работая по этой инструкции* (А. Солженицын). Приведенные примеры показывают, что связь интеллектуального свойства личности и интеллектуального действия задается контекстом, и в последнем примере действие «ошибиться» с интеллектуальным свойством личности не связано.

На периферии ментального поля находятся «результаты интеллектуальной деятельности», связь интеллектуальных свойств личности и результатов интеллектуальной деятельности практически не наблюдается.

Таким образом, обращение к фразеологизмам, пословицам, поговоркам, афоризмам, связанным с представлением «умного» и «дурака», к лексемам, называющим интеллектуальные действия и их результат, позволяет сделать вывод, что в представлении «умного» и «дурака» наблюдается определенная динамика, поэтому для современной языковой картины мира не актуален умный дурак, для языкового сознания не актуальна связь интеллектуальных свойств личности и интеллектуальных действий и их результата, поскольку дурак не рассматривается в контексте деятельности, абсолютная оценка значима для ядра данного поля, но не для центра и периферии. Очевидно, такова специфика языкового сознания носителя русского языка, который не всегда соотносит действия личности с ее свойствами. В связи с этим выводом можно привести суждения Т. А. ван Дейка о том, что семантика языковых единиц связана с культурой и социумом, она когнитивно изменчива и относительна.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. — М. : Наука, 1988.

Гак В. Г. Пространство мысли: опыт систематизации слов ментального поля // Логический анализ языка: ментальные действия. — М. : Наука, 1993. С. 22—29.

Дейк, ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. — М. : Прогресс, 1989.

Зырянов Н. А. Живое и мудрое слово в речи моих современников. Не скучайте — прочитайте! — Шадринск : Изд-во ОГУП «Шадринский Дом печати», 2007.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М. : Наука, 1976.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М. : Наука, 1987.

Кобызева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: ментальные действия. — М. : Наука, 1993. С. 95—105.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамеологии) : проспект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2010.

Кусова М. Л. Репрезентация интеллекта в языковой картине мира // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию Э.В.Кузнецовой, (8—9 но-

яб. 2007 г., Екатеринбург) / под ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 32—35.

Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. — Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006.

Падучева Е. В. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары // Логический анализ языка: ментальные действия. — М. : Наука, 1993. С. 111—120.

Патроева Н. В. Лексемы «рассудок» и «разум» в системе русского литературного языка // Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике : сб. материалов / отв. ред Н. Н. Болдырев. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 804—806.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

Яранцев Р. И. Русская фразеология : слов.-справочник : ок. 1500 фразеологизмов. — М. : Рус. яз., 1997.

Статью рекомендует к печати докт. филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко